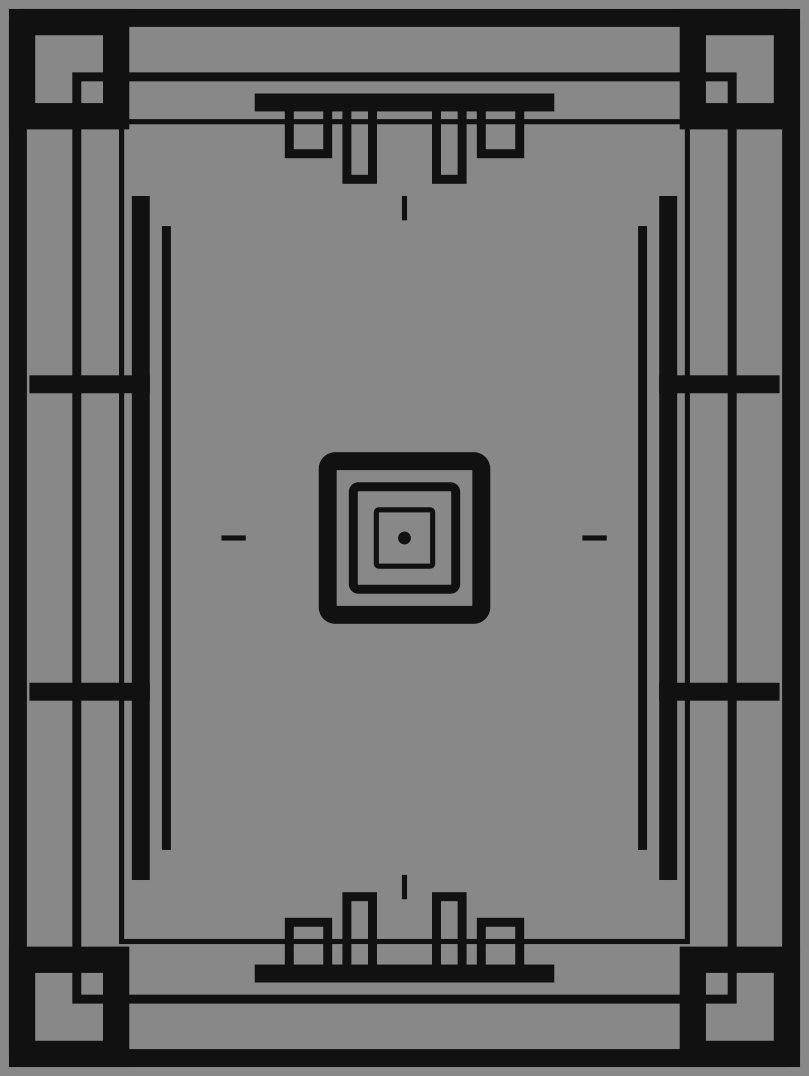

Синдром
Филип Киндред Дик

Филип Киндред Дик. Синдром

Филип Киндред Дик
Синдром

Обнаружив на экране своего радара быстро движущуюся наземную машину, констебль Калеб Майерс сразу понял, что ее пользователь каким-то образом исхитрился снять ограничитель — его скорость, сто шестьдесят миль в час, далеко превосходила законный предел. Естественный вывод: водитель принадлежит к Голубому классу, к инженерам и техникам, кто же еще может копаться в потрохах своей тачки. Арест превращался в заковыристую проблему.

Майерс связался с полицейской тачкой, патрулировавшей шоссе десятью милями дальше.

— Когда будет проезжать мимо, отключи ему энергию, — посоветовал он своему коллеге. — Шпарит слишком быстро, чтобы ставить заслон. Согласен?

В три десять ночи тачка никуда больше не шпарила; лишившись подачи энергии, она притормозила на об"чине шоссе. Майерс потыкал пальцем кнопки приборной панели, его машина развернулась и неспешно полетела на север. К беспомощно замершей тачке нарушителя уже приближался, пробираясь через плотный поток движения, красный мигающий огонек. Майерс приземлился в тот самый момент, когда второй полицейский нажал на тормоз. Сойдясь вместе,

два служителя закона осторожно направились к задержанной тачке; под их сапогами негромко похрустывала щебенка.

Нарушителем оказался худощавый мужчина в белой рубашке и галстуке; с выражением на лице, какое бывает у внезапно разбуженного человека, он смотрел прямо перед собой, абсолютно не замечая, что рядом появились полицейские, в серой форме и при полном боевом снаряжении — в руках лазерные винтовки, тело от горла до бедер прикрыто противопулевыми защитными пузырьками. Майерс открыл дверь тачки и заглянул внутрь; прикрывая его, второй полицейский взял оружие на изготовку — как знать, может, это — очередная ловушка, за одну только последнюю неделю полиция Сан-Франциско потеряла пять человек.

— Вы должны знать, — сказал Майерс все еще молчавшему водителю, — что залезать в ограничитель скорости нельзя, за это полагается лишение прав на два года. Неужели оно того стоит?

После долгой паузы водитель повернул голову и сказал:

— Я болен.

— Психически? Или физически?

Тронув кнопку закрепленной на горле рации, Майерс подключился к третьему каналу, связался с Центральной больницей Сан-Франциско; при необходимости машина скорой помощи прибудет сюда через пять минут.

— Мне показалось, — хрипло сказал водитель, — что все вокруг какое-то нереальное. И я подумал, если ехать достаточно быстро, можно попасть в такое место, где предметы настоящие.

Он положил руку на приборную панель и осторожно ощупал обтянутую толстым слоем амортизирующего пластика поверхность, словно и вправду не доверяя ее реальности.

— Разрешите посмотреть ваше горло, сэр.

Приподняв водителю подбородок, Майерс осветил его лицо фонариком; сверкнули белизной хорошо ухоженные зубы и полицейский заглянул в глубь рефлекторно раскрывшегося рта.

— Есть там эта штука?— спросил Майерса напарник.

— Да.

Металлической искрой сверкнул установленный в горле крохотный противораковый приборчик; подобно большинству внеземных, этот человек панически боится рака. Фобия вполне естественная для того, кто провел большую часть

своей жизни в какой-нибудь из колоний, привык дышать чистым воздухом искусственной атмосферы. Эту атмосферу создают автоматические установки, готовящие планету к приему поселенцев.

— У меня есть постоянный врач.

Водитель сунул руку в карман, вытащил бумажник, нашел в нем визитную карточку; его пальцы заметно дрожали.

— Специалист по психосоматической медицине, живет в Сан-Хосе[1]. Вы не могли бы меня туда доставить?

— Вы не настолько больны, — возразил Майерс. — Просто не совсем акклиматизировались на Земле, не привыкли к ее гравитации, атмосфере, прочим факторам окружающей среды. Сейчас три пятнадцать ночи, вряд ли этот врач — Агопян или как его там, — сможет принять вас в такое время.

Печатный текст карточки сообщал:

Этот человек находится под врачебным наблюдением; в случае необычного поведения он должен незамедлительно получить медицинскую помощь.

---

[1] notes: 1

Упоминаемый здесь Сан-Хосе — город километрах в шестидесяти к северу от Сан-Франциско.

— Земные врачи, — вмешался второй полицейский, — принимают пациентов только в свое рабочее время, вам нужно привыкнуть к этому, мистер... — Он протянул руку. — Дайте мне, пожалуйста, ваши водительские права.

Вместо того чтобы разбираться в документах, водитель передал ему весь бумажник.

— Отправляйтесь-ка вы домой, — покачал головой Майерс. Судя по водительским правам, нарушителя звали Джон Купертино. — У вас есть, наверное, жена? В город мы вас доставим, а там уж пускай она подъедет... Тачку свою оставьте лучше здесь и не садитесь больше сегодня за руль. А что касается скорости....

— Я не привык к принудительному ограничению, — сказал Купертино. — На Ганимеде нет большого движения, у нас там двести, даже двести пятьдесят миль в час — самое обычное дело.

Его голос звучал до странности плоско, невыразительно; Майерсу сразу пришли в голову наркотики, в частности — стимуляторы таламуса. Все, казалось бы, легко объяснимо: в Купертино чувствуется еле сдерживаемое нетерпение, потому он и снял ограничитель скорости, для человека, привычного к работе с механизмами, дело совсем не хитрое. И в то же время...

Интуиция, накопленная за двадцать лет службы, подсказывала Майерсу, что тут есть что-то еще.

Протянув руку внутрь машины, он открыл ящик для перчаток и посветил туда фонариком. Письма, проспект мотелей, одобренных ААА[2]...

— А ведь вы, мистер Купертино, не верите, что и вправду находитесь на Земле, верно?— сказал Майерс, внимательно изучая лицо водителя. Никакого эффекта его слова не произвели. — Вы — один из этих свихнутых наркоманов и считаете все окружающее наркотической галлюцинацией, связанной с подсознательным ощущением вины. А что в действительности вы сидите у себя дома, на Ганимеде, в гостиной своего двадцатикомнатного жилища — и окружены к тому же вашими слугами-роботами, так ведь?

Резко рассмеявшись, он повернулся к напарнику.

— На Ганимеде она растет просто так, вроде сорняка. Штука, которой они пользуются. Экстракт из нее называется фрогедадрин. Они перетирают сушеные стебли, делают из них такую кашицу, кипятят ее, сливают жидкость, фильтруют, а

---

[2] notes: 2

ААА — Американская автомобильная ассоциация.

затем — в самокрутки и курят. А как накурятся до чертиков...

— В жизни своей не пробовал фрогедадрина, — все тем же отсутствующим голосом сказал Джон Купертино. Он опять смотрел прямо перед собой. — И я знаю, что нахожусь на Земле. Но только со мной чтото не так. Посмотрите.

Протянув руку, он погрузил ее в обшивку приборной панели; прямо на глазах у Майерса кисть руки исчезла по самое запястье.

— Видите? Все, окружающее меня, нереально, не предметы, а тени. И вы двое — тоже, я могу устранить вас, просто переключив свое внимание на чтонибудь другое. Во всяком случае — я думаю, что могу. Но — я не хочу\ — Его голос дрожал и срывался. — Я хочу, чтобы вы были реальны, чтобы все это было реальным, в том числе и доктор Агопян.

Майерс переключил рацию на второй канал.

— Соедините меня с Сан-Хосе, с доктором Агопяном, — сказал он. — Ситуация чрезвычайная, так что не тратьте попусту время на его ночную секретарскую службу.

Гудки и пощелкивание в наушниках говорили, что связь устанавливается.

— Ты видел сам, — взглянул на коллегу Майерс.

— Ты видел, как он просунул руку сквозь приборную панель. А вдруг он и вправду может нас устранить?

Проверять как-то не очень хотелось; Майерс был в некотором замешательстве и уже искренне жалел, что помешал Купертино гнать машину по шоссе — хотя бы и к смерти. Да вообще — куда угодно.

— Я знаю, отчего это. Купертино говорил скорее сам с собой, чем с полицейскими. Нашарив сигареты, он закурил, руки его дрожали уже поменьше.

— Это все из-за смерти Кэрол, моей жены.

Никто с ним не спорил, никто не задавал вопросов; Майерс с напарником стояли и молча ждали, когда же доктор Агопян подойдет к телефону.

Готлиб Агопян едва успел натянуть поверх пижамы брюки и куртку. Кабинет, где он принял Джона Купертино, располагался в центральной части СанХосе и был открыт в такое неурочное время только благодаря звонку из полиции. Агопян включил свет, отопление, поправил стоящее перед столом кресло и покосился на пациента. «Хорош же у меня небось видочек, — невесело подумал он. — Причесаться и то не успел».

— Крайне сожалею, что поднял вас, — сказал

Купертино, но сожаления в его голосе как-то не чувствовалось. Какой бы то ни было сонливости в нем тоже не замечалось, и это в четыре-то часа ночи; он сидел, закинув ногу на ногу, и курил, а доктор Агопян, стеная про себя и ругаясь, вышел в примыкающую к кабинету комнату, чтобы включить кофеварку. Уж хотя бы на это-то он имеет право.

— Сотрудники полиции, — сказал вернувшийся в кабинет врач, решили по вашему поведению, что вы — возможно — приняли какой-либо стимулянт. Но мы-то с вами понимаем, что дело совсем не в этом. Он хорошо знал — Купертино всегда такой, в этом человеке какая-то врожденная маниакальность.

— Не нужно было мне убивать Кэрол, — вздохнул Купертино. — Теперь все стало не так, все изменилось.

— Вам что, прямо вот сейчас ее не хватает?— удивился Агопян. — Ведь только вчера вы говорили...

— Так это днем; после восхода солнца я всегда чувствую себя уверенней. Кстати, у меня теперь есть адвокат. По имени Фил Вульфсон.

— Зачем?

Никто не собирался возбуждать против Купер-

тино дело, и оба они это знали.

— Мне необходимы советы профессионала. В дополнение к вашим. Не примите, пожалуйста, это за оскорбление, у меня и в мыслях нет вас критиковать. Однако некоторые аспекты моего положения имеют скорее юридическую, чем медицинскую природу. Совесть — крайне интересный феномен, она лежит в области, отчасти описываемой психологией, а отчасти...

— Кофе?

— Господи, конечно нет. Эта отрава просто взрывает блуждающий нерв, и на много часов.

— А вы сказали полицейским про Кэрол?— спросил Агопян. — Что вы ее убили.

— Я сказал только, что она мертва. Вел себя осторожно.

А вот когда вы гнали на ста шестидесяти, там осторожностью и не пахло. Сегодня вот в «Кроникл» описано происшествие, как раз на участке шоссе между Сан-Хосе и Сан-Франциско. Автодорожный патруль штата, не задумываясь, дезинтегрировал машину, которая шла на ста пятидесяти. И все вполне законно — безопасность общества, риск для жизни многих...

— Они предупредили водителя, — возразил Купертино. Упоминание об этой истории нисколько

его не взволновало, скорее — даже больше успокоило. — А тот не захотел остановиться. Пьяный.

— Конечно же, вы понимаете, — сменил тему Агопян, — что Кэрол жива. Что в действительности она живет, живет здесь, на Земле, в Лос-Анджелесе.

— Само собой, — раздраженно кивнул Купертино.

Ну зачем Агопяну так хочется говорить очевидные вещи? Они обсуждали все это тысячу уже, наверное, раз; вот сейчас психиатр снова задаст все тот же самый вопрос на засыпку — как могли вы ее убить, если вы знаете, что она жива? Раздражение, усталость и раздражение — вот и весь результат этих бесконечных бесед.

Агопян пододвинул к себе блокнот, что-то быстро написал на верхнем листе, оторвал его и протянул пациенту.

— Рецепт какой-нибудь?— насторожился Купертино.

— Нет, всего лишь адрес.

Какое-то место в южной части Пасадены[3], несомненно — адрес Кэрол.

Лицо Купертино вспыхнуло гневом.

---

[3] notes: 3

Пасадена — город к северо-востоку от Лос-Анджелеса, фактически — его окраина.

— Попробуем, может, что и выйдет, — сказал доктор Агопян. — Я хочу, чтобы вы пошли туда и встретились с ней лицом к лицу. Тогда мы сможем...

— Пусть с ней встречается совет управляющих Шестипланетных образовательных учреждений, я здесь ни при чем. — Купертино попытался вернуть листок врачу. — Я действовал вынужденно, вся ответственность за трагедию лежит на них. И не надо так на меня смотреть, вам и самому все это прекрасно известно. Ведь нужно было уберечь их план от разглашения, разве нет?

— В четыре часа ночи трудно в чем-нибудь разобраться, — вздохнул Агопян. — Весь мир кажется зловещим и враждебным. Я знаю, мистер Купертино, что тогда, на Ганимеде, вы работали на Шестипланетные, однако моральная ответственность... — Несколько секунд он молчал. — Поверьте, мистер Купертино, мне трудно говорить то, что я сейчас скажу. Именно вы нажали на спуск лазерного излучателя, так что вы и несете конечную моральную ответственность.

— Кэрол хотела сообщить местным гомеогазетам о намеченном восстании за свободу Ганимеда, о причастности к подготовке восстания буржуазных властей Ганимеда, состоявших

в основном из сотрудников Шестипланетных. Я сказал, что мы никак не можем позволить ей этого, но она все равно сделала по-своему — из мелких, ничтожных побуждений, из ненависти ко мне, ровно никак не связанной с целями восстания. Как и все женщины, она руководствовалась тщеславием и уязвленным самолюбием. Вы бы съездили в Пасадену, по этому адресу, — посоветовал доктор Агопян. — Повстречаетесь с Кэрол, убедите себя, что никогда ее не убивали, что все случившееся на Ганимеде в тот день три года назад было просто... — Он взмахнул рукой, тщетно пытаясь подобрать нужное выражение.

— Да, доктор?— перебил врача Купертино. — Так что же это было такое? Потому, что в тот день, а если уж точнее — в ту ночь, лазерный луч попал Кэрол чуть повыше глаз, прямо в лобные доли мозга; она была абсолютно, бесповоротно мертва еще до того, как я покинул квартиру, отправился в космопорт и нашел там корабль, который доставил меня на Землю.

Он смолк, выжидая; Агопяну не позавидуешь, не так-то легко подобрать нужные слова в такой ситуации.

— Да, — согласился после некоторой паузы Агопян, — у вас очень подробные и устойчивые

воспоминания. Только передо мной лежит ваша история болезни, там все это подробно записано, и я не вижу никакого смысла в повторениях — откровенно говоря, выслушивать ваш рассказ ночью, в такое время, даже неприятно. Я не знаю, откуда у вас эти воспоминания, зато я знаю, что они — ложные, ведь я встречался с вашей женой, говорил с ней, переписывался с ней, и все это после того дня, в который, если верить вашим воспоминаниям, вы убили ее на Ганимеде. Уж это-то я знаю точно.

— Назовите мне хотя бы одну вескую причину, почему я должен с ней встречаться. — Купертино сделал движение, собираясь разорвать листок с адресом.

— Одну?— Доктор Агопян задумался, его лицо было серым и усталым. — Да, я могу назвать вам вполне, как минимум, одну причину, вот только найдете ли вы ее достаточно веской.

— А вы попробуйте.

— Кэрол ведь тоже присутствовала тогда на Ганимеде — в ту ночь, когда, согласно вашим воспоминаниям, вы ее убили. Возможно, она сумеет объяснить, откуда взялись у вас ложные воспоминания; думаю, ей что-то про это известно — по крайней мере, такой вывод можно было

сделать из нашей переписки. — Он внимательно посмотрел на Купертино. — Однако ничего более определенного она мне так и не сообщила.

— Хорошо, я съезжу, — сказал Купертино и быстро вышел из кабинета Агопяна. «Странная все-таки идея, — думал он, — узнавать обстоятельства смерти некоей личности у этой самой личности. Однако тут Агопян прав, кроме Кэрол в ту ночь там никого не было. Можно было и самому понять, что придется в конце концов с ней встретиться».

Что-то тут было не так, логика была какой-то извращенной, и радости ему это не доставляло.

В шесть утра он уже стоял перед маленьким, но зато отдельным домиком Кэрол Холт Купертино. Пришлось долго, многократно нажимать кнопку звонка, и только тогда дверь открылась, на пороге показалась заспанная Кэрол, одетая в голубую полупрозрачную ночную рубашку и белые пушистые шлепанцы. Мимо ее ног торопливо проскользнула кошка.

— Еще помнишь меня?

Купертино посторонился, пропуская кошку.

— О господи, — Кэрол откинула с лица белокурую прядь и кивнула. — Сколько же это сейчас времени? — Пустынную улицу заливал серый,

холодный свет. Зябко поежившись, она сложила руки на груди. — С чего это ты встал так рано? Прежде тебя из кровати было не вытащить до восьми часов.

— Я еще не ложился.

Ступив через порог, Купертино оказался в гостиной. Темно, окна задернуты шторами.

— А кофе можно у тебя попросить?

— Конечно. .

Она сонно прошлепала на кухню, подошла к плите и нажала кнопку «Горячий кофе»; появилась чашка, а за ней другая. От кофе подним&чся ароматный пар.

— Мне — со сливками, тебе — сливки и сахар. Ты всегда был малость инфантилен.

Кэрол передала ему чашку; ее собственный запах — запах теплоты, мягкости и сна — мешался с запахом кофе.

— Ты и на день не постарела, — сказал Купертино, — а ведь прошло уже больше трех лет.

Не то что не постарела, она стала за это время еще более худощавой, стройной.

— А это что, наводит на какие-то подозрения? Кэрол села за кухонный стол; щеки ее раскраснелись, глаза блестели, сложенные руки все так же целомудренно прикрывали грудь.

— Нет, просто комплимент. — Купертино тоже сел. — Меня послал Агопян; он считает, что мне нужно с тобой встретиться. По-видимому...

— Да, — прервала его Кэрол, — я с ним знакома. Я несколько раз ездила в Северную Калифорнию по делам, по дороге заходила и к нему. Он попросил меня в одном из писем. Мне Агопян понравился. Вообще-то, за это время тебе пора бы и вылечиться.

— Вылечиться?— пожал плечами Купертино. — Я чувствую себя отлично. Вот только...

— Вот только у тебя сохранилась эта самая idee fixe. Твоя главная бредовая навязчивая идея, с которой не может справиться никакой психоанализ. Верно?

— Если ты имеешь в виду мои воспоминания о том, как я тебя убил, то да. Они у меня сохранились, — согласился Купертино. — Я знаю, что так и было. По мнению доктора Агопяна, ты могла бы рассказать мне нечто о происшедшем; в конце концов, как он верно заметил...

— Да, — кивнула Кэрол, — но только есть ли какой-нибудь смысл обсуждать с тобой всю эту историю. Это неприятно, скучно, и вообще — какие разговоры в шесть утра? Давай лучше я вернусь сейчас в постель, а встретиться и по-

говорить можно потом, ну хотя бы сегодня же вечером. Нет?— Она вздохнула. — Ладно. Так, значит, ты пытался меня убить. У тебя был лазер. Дело происходило в нашей квартире, в Нью-Детройте-Джи, на Ганимеде, двенадцатого марта две тысячи четырнадцатого года.

— Почему я хотел тебя убить?

— Ты сам знаешь. — В голосе Кэрол звучала горечь, ее грудь дрожала от негодования.

— Да, знаю.

Самая большая ошибка за все три с половиной десятка лет его жизни. Они обсуждали условия развода; зная о предстоящем восстании, Кэрол имела в этих переговорах совершенно неуязвимую позицию, она могла выдвигать буквально любые требования. В конце концов, когда финансовая часть условий стала совсем невыносимой, Купертино пришел к Кэрол на квартиру — раньше они жили здесь вместе, но теперь он съехал, подыскал себе жилье поменьше, в другом конце города — и сказал, прямо и откровенно, что не сможет выполнить ее требования. Вот тут-то Кэрол и пригрозила, что обратится к гомеогазетам — «Нью-Йорк Тайме» и «Дейли Ныос» имели на Ганимеде свои датчики новостей.

— У тебя был при себе этот твой маленький

излучатель, — продолжала Кэрол, — и ты сидел и крутил его в руках. И почти ничего не говорил. Но мне и без слов стало понятно — либо я приму несправедливые условия, по которым...

— Ия выстрелил? —Да.

— И луч попал в тебя?

— Ты промахнулся, — сказала Кэрол. — Я выскочила из квартиры, по коридору добежала до лифта. Спустилась на первый этаж, пошла в помещение охраны и позвонила оттуда в полицию. Затем приехал наряд. Ты так и сидел в квартире". — Сейчас в ее голосе звучало испепеляющее презрение. — Ты плакал.

— Господи, — пробормотал Купертино. Некоторое время ни один из них не говорил, они сидели и пили кофе. Бледная рука Кэрол заметно дрожала, ее чашка позвякивала о блюдце.

— Естественно, я продолжила дело о разводе. — Теперь она говорила спокойно, как о чем-то самом обыденном. — При сложившихся обстоятельствах...

— По мысли доктора Агопяна, ты можешь знать, почему я помню, как убил тебя той ночью. Он говорит, ты намекала ему на это в своем письме.

Голубые глаза вспыхнули злым огоньком.

— Той ночью у тебя не было никаких ложных

воспоминаний, ты просто знал, что промахнулся. Прокурор округа, Амбойнтон, предоставил выбор — либо ты соглашаешься на обязательную психиатрическую помощь, либо идешь под суд за попытку предумышленного убийства; ты, естественно, выбрал первое и начал посещать доктора Агопяна. А ложные воспоминания — я могу только сказать, когда они появились. Ты ходил к своим работодателям, в Шестипланетные образовательные учреждения, и встречался там с их психологом, доктором Эдгаром Грином, он приписан к отделу кадров. Это было незадолго до того, как ты покинул Ганимед и прилетел сюда, на Землю.

Она встала, чтобы налить себе еще чашку кофе.

— Думаю, именно доктор Грин и озаботился тем, чтобы имплантировать тебе ложные воспоминания, будто ты и вправду меня убил. Но зачем?— удивился Купертино.

— Ты сообщил мне об их планах поднять восстание, и они об этом знали. Ожидалось, очевидно, что ты покончишь с собой — от горя и раскаяния, а ты вдруг взял и купил билет на Землю, как было уговорено с Амбойнтоном. Вообще-то говоря, ты сделал попытку самоубийства, уже потом,

во время полета... но об этом ты и сам должен помнить.

— Ну-ка, расскажи поподробнее.

У Купертино не было ни малейших воспоминаний о попытке самоубийства.

— Можешь посмотреть вырезку из гомеогазеты; я ее, естественно, сохранила.

Кэрол вышла, теперь ее голос доносился из спальни.

— Сохранила из этакой ложной сентиментальности. «Пассажира межпланетного корабля остановили в последнюю секунду...» — Фраза оборвалась, наступило молчание.

Купертино пил кофе, пил кофе и ждал — он знал, что Кэрол не найдет никакой вырезки. Потому что не было никакой попытки самоубийства.

— Не могу найти. — Лицо вернувшейся на кухню Кэрол выражало полное удивление. — Но ведь я знаю, где она была, в первом томе «Войны и мира», я пользовалась ею как закладкой.

Теперь к ее удивлению примешивались растерянность и смущение.

— Так что не у меня одного есть ложные воспоминания, — подытожил Купертино. — Если эти воспоминания действительно ложные. Он чувствовал, что сдвинулся наконец с мертвой

точки, чувствовал впервые за все эти три с лишним года.

Но вот в какую сторону сдвинулся — это еще не совсем ясно. Во всяком случае — пока.

— Я ничего не понимаю, — сказала Кэрол. — Здесь что-то не так.

Оставив бывшего своего мужа на кухне, Кэрол вернулась в спальню, чтобы одеться. Через несколько минут она появилась снова, на этот раз в юбке, зеленом свитере и туфлях на высоком каблуке; продолжая расчесывать волосы, она подошла к плите и потыкала пальцем в кнопки, заказала тосты и два яйца всмятку. Было уже семь, сочившийся в окно свет из серого стал золотистым, с улицы все чаще долетали мирные, возвращающие к действительности звуки проезжающих машин — и личных и больших, общественных.

— И как это тебе удалось ухватить отдельный домик? — поинтересовался Купертино. — Я-то думал, что в районе Лос-Анджелеса — ровно как и в районе Сан-Франциско — просто невозможно найти что-нибудь, кроме квартиры в высотном здании.

— Милостью моих работодателей.

— А где ты сейчас работаешь? — насторожился

Купертино. — Судя по всему, фирма пользовалась большим влиянием. За эти три года Кэрол заметно поднялась по социальной лестнице.

— Ассоциация «Падающая Звезда». Купертино никогда о такой не слыхал. Они что, действуют за пределами Земли? — недоуменно спросил он. «Ну, конечно, если это межпланетная...»

— Это холдинговая компания, я у них референтом при председателе совета директоров. Занимаюсь маркетинговыми исследованиями. Нам, кстати, принадлежат и твои бывшие хозяева, Шестипланетные образовательные, у нас их контрольный пакет... Но это так, между прочим, просто совпадение.

Кэрол не предложила своему бывшему мужу позавтракать — надо думать, такое не пришло ей и в голову. Купертино хмуро наблюдал, как изящно управляется она с ножом и вилкой. Мелкобуржуазное «хорошее воспитание», тут она ничуть не изменилась. А может, даже стала еще элегантнее, женственней.

— Думаю, — сказал Купертино, — я начинаю коечто понимать.

— Извини? — вскинула голову Кэрол. — Понимать? Что понимать, Джонни?

— Тебя, — криво усмехнулся Купертино. — Твое

здесь присутствие. Нет никаких сомнений, что ты вполне реальна — реальна в той же степени, как и все остальное. Как город Пасадена, как этот стол. — Он резко, с силой ударил по пластиковой поверхности кухонного стола. — Реальна, как доктор Агопян, как полицейские, остановившие меня на шоссе этой ночью.

— Только насколько реально все это, — добавил он. — Вот тут, как мне кажется, и лежит основной вопрос. Ответ на него мог бы объяснить, каким образом я погружал свои руки в предметы, например — в приборную панель машины. Он мог бы объяснить крайне неприятное ощущение, что все, окружающее меня, лишено плотности, телесности, словно я обитаю в мире теней.

Все это время Кэрол внимательно на него смотрела; теперь она рассмеялась и вернулась к своему завтраку.

— Возможно, — продолжал Купертино, — я так и остался на Ганимеде, сижу в тюрьме или психиатрической лечебнице, за совершенное мной преступление. И за годы, прошедшие после твоей смерти, я постепенно переселился в иллюзорный мир.

— Господи, — безнадежно покачала головой Кэрол. — Даже не знаю, смеяться мне или сочув-

ствовать, все это настолько... — Она запнулась, подыскивая нужное слово. — Настолько жалко. И поверь, Джонни, я искренне тебе сочувствую. Не желая расставаться со своими иллюзиями, ты предпочел объявить иллюзией, порождением твоего мозга, всю Землю и всех, кто на ней живет. Послушай, а не кажется ли тебе более экономным отказаться от этой навязчивой идеи? Отбросить одну-единственную идею, что ты меня убил...

Зазвонил телефон.

— Извини, пожалуйста.

Торопливо промокнув салфеткой губы, Кэрол поднялась и вышла. Оставшийся на кухне Купертино мрачно крутил в руках кусочек тоста, упавший с ее тарелки; измазав палец маслом, он машинально облизал его и тут же почувствовал сосущую пустоту в желудке — подошло привычное время завтрака. Кэрол все еще говорила по телефону; Купертино подошел к плите, заказал яичницу с беконом, кофе и тосты, получил их и снова сел за стол.

«Ну а как же я тогда живу? — спросил он себя. — Чем я питаюсь в этом воображаемом мире?»

«По всей видимости, — решил Купертино, — я ем самую настоящую пищу, приготавливаемую в этой тюрьме — или там в больнице. Пища дей-

ствительно существует, и я действительно ее ем. И комната тоже существует, со стенами и полом ...только не эта комната. Не эти стены и не этот пол. Люди — они тоже существуют. Только не эта женщина, не Кэрол Холт Купертино. Существует некто другой. Какой-нибудь там тюремщик или санитар. А еще существует доктор. Вполне возможно, что его фамилия Агопян.

Скорее всего, так оно и есть, — сказал себе Купертино. — Доктор Агопян — действительно мой психиатр».

Вернувшаяся на кухню Кэрол села перед остывшими остатками завтрака.

— Поговори с ним ты, — сказала она. — Это доктор Агопян.

Купертино сорвался с места. С маленького экрана смотрело напряженное и какое-то измученное лицо доктора Агопяна.

— Так, значит, вы все-таки приехали сюда, Джон. Ну и как? Что там у вас?

— Где мы находимся, доктор Агопян? — спросил Купертино.

Психиатр нахмурился.

— Что-то я вас... Ведь мы на Ганимеде, и вы и я, правда?

— Я нахожусь в Сан-Хосе, — еще больше нахму-

рился Агопян, — а вы — в Лос-Анджелесе.

— Пожалуй, я знаю, как проверить свою теорию, — сказал Купертино. — Я откажусь от дальнейшего у вас лечения. Если я — заключенный на Ганимеде, мне это не удастся, но если я — свободный гражданин, находящийся на Земле, как вы это утверждаете...

— Вы действительно на Земле, — прервал его Агопян, — но вас нельзя назвать свободным гражданином. Из-за предпринятого вами покушения на жизнь своей жены вы обязаны проходить у меня регулярное психиатрическое лечение. И вы сами это знаете. Так что же сказала вам Кэрол? Она пролила какойнибудь свет на события той ночи?

Купертино слегка задумался.

— Пожалуй, да. Я выяснил, что Кэрол работает на компанию, которой принадлежат Шестипланетные образовательные учреждения, уже одно это оправдывает поездку. Жаль, что я не выяснил это раньше — что она работает на Шестипланетные и что ее обязанность — присматривать за мной.

— П-простите? — недоуменно моргнул Агопян.

Она была сторожевой собакой. Присматривала за моей лояльностью; судя по всему, они боялись,

как бы я не выдал подробности планируемого восстания земным властям. Вот они и поручили Кэрол следить за мной. Рассказав ей о планах восстания, я продемонстрировал свою ненадежность. Кэрол, как мне это представляется, получила указание меня убить. По-видимому, она сделала такую попытку, но безуспешно. Все люди, связанные с планировавшимся восстанием, были схвачены земными властями и получили свои приговоры, но Кэрол избежала наказания, так как она не была — официально — сотрудницей Шестипланетных.

— Подождите секунду, — остановил его доктор Агопян. — Все это звучит вроде бы достаточно разумно, однако... — Он поднял руку. — Мистер Купертино, восстание было, и оно увенчалось успехом, это — исторический факт. Три года тому назад Ганимед, Ио и Каллисто одновременно сбросили с себя земное иго и стали независимыми самоуправляющимися спутниками. Об этом знает любой третьеклассник, так называемая трехлунная война две тысячи четырнадцатого года. Мы с вами никогда не обсуждали таких вопросов, но я считал само собой разумеющимся, что вы знаете это не хуже, чем... — он взмахнул рукой, тщательно пытаясь подобрать сравнение,

— ну, чем любой другой исторический факт.

Отвернувшись от экрана, Джон Купертино посмотрел на свою бывшую жену.

— Это что, правда?

— Конечно, — уверенно кивнула Кэрол. — А что, в твоем иллюзорном мире ваша мини-революция провалилась? — Она улыбнулась. — Восемь лет ты работал на переворот, работал по заданию мощного экономического картеля, который и задумал его и финансировал, а затем, когда этот переворот совершился, ты — по какой-то совершенно непонятной причине — решил не замечать своего же успеха. Мне действительно жаль тебя, Джонни, все это очень печально.

— Но ведь должна быть какая-то причина, — сказал Купертино, — почему я этого не знал. Почему они решили, что я не должен этого знать. — В полной растерянности он протянул вперед дрожащую руку.

Легко, словно в пустоту, рука погрузилась в экран и пропала. Купертино испуганно отдернулся, и рука появилась снова. Но ведь он видел, как она исчезла И он все понял.

Иллюзия действительно хорошая, но не совсем. Она не идеальна, имеет свои ограничения.

— Доктор Агопян, — обратился Купертино к

миниатюрному изображению психиатра. — Пожалуй, я перестану с вами встречаться. Начиная с этого утра я отказываюсь от ваших услуг. Пришлите мне счет, весьма вам признателен, и всего хорошего.

Он снова протянул руку, теперь — чтобы выключить аппарат.

— Вы не можете отказаться от лечения, — не задумываясь ответил Агопян. — Как я уже говорил, оно обязательное. Вы должны его продолжать, либо снова предстать перед судом, а этого вам лучше не делать. Ничего хорошего от такого суда ждать не приходится, вы уж мне поверьте.

Купертино нажал кнопку, и экран потух.

— А ведь он совершенно прав, — донесся из кухни голос Кэрол. — Он врет, — уверенно сказал Купертино. А затем, не торопясь, тоже прошел на кухню, сел за стол и снова занялся яичницей.

Вернувшись в Беркли[4], в свою квартиру, Купертино заказал разговор с представительством Шестипланетных образовательных учреждений на Ганимеде. Через полчаса связь была установлена.

— Вы не забыли меня, доктор Грин?

---

[4] notes: 4

Беркли — город, отделенный от Сан-Франциско несколькими километрами Сан-Францисского залива.

Пухловатое, средних лет лицо, глядевшее с экрана, казалось совершенно незнакомым; Купертино крайне сомневался, что видел когда-нибудь этого человека. Однако хотя бы один фундаментальный факт прошел проверку: в отделе кадров Шестипланетных действительно числился доктор Грин. Тут Кэрол была права.

— Я видел вас когда-то, — сказал доктор Грин, — но должен с сожалением признаться, что не могу вспомнить вашего имени.

— Джон Купертино. Ныне проживающий на Земле. В прошлом — житель Ганимеда. Чуть больше трех лет назад, незадолго до переворота на Ганимеде, я попал в довольно громкое судебное дело. Был обвинен в убийстве собственной жены Кэрол. Может быть, это поможет вам вспомнить?

— Хм-м, — нахмурился доктор Грин и тут же приподнял бровь. — Вы были оправданы, мистер Купертино?

— Я... — чуть запнулся Купертино, — в настоящее время я нахожусь под психиатрическим наблюдением. Здесь, в Калифорнии. Если это о чем-нибудь вам говорит.

— Насколько я могу понять из ваших слов, вас признали психически невменяемым, на чем, собственно, суд и закончился.

Купертино настороженно кивнул.

— Вполне возможно, — продолжал доктор Грин, — я действительно беседовал с вами. Что-то такое вроде бы припоминается. Но я вижу так много самых разных людей... Вы работали у нас?

— Да, — кивнул Купертино.

— А что конкретно потребовалось вам от меня, мистер Купертино? Вам что-то нужно, в этом нет никаких сомнений — иначе зачем бы заказывать такой дорогой дальний разговор? Так вот, из самых практических соображений, в том числе — из интересов вашего бумажника, я предложил бы прямо перейти к делу.

— Я бы хотел, — сказал Купертино, — чтобы вы переслали мне мою историю болезни. Именно мне, а не моему психиатру. Можно это сделать?

— Для чего она вам, мистер Купертино? Вы устраиваетесь на какую-нибудь работу?

— Нет, доктор. — Купертино набрал полные легкие воздуху, словно собираясь броситься в воду. — Я хочу узнать, и узнать с абсолютной точностью, какие ко мне применялись психиатрические методики. Применялись вами и вашим персоналом, вашими подчиненными. Есть основания предполагать, что я был подвергнут радикальной психокоррекции. Ведь я имею

право узнать об этом, доктор? Насколько мне известно — имею.

«У меня не больше чем один шанс на тысячу извлечь хоть что-нибудь ценное из этого человека», — сказал он себе. Но попытаться все же стоило.

— Психокоррекция? Вы что-то путаете, мистер Купертино, мы ведь только проводим тесты на профессиональную пригодность, составляем и анализируем психологические профили — мы тут никого не лечим. Организуем психологическую проверку людей, желающих работать в фирме, чтобы впоследствии...

— Доктор Грин, — прервал его Купертино, — а лично вы принимали участие в перевороте, три года назад?

— Да кто же в нем не участвовал? — пожал плечами Грин. — Все, как один, граждане Ганимеда горели патриотизмом.

Пылкую эту фразу врач произнес сухо и бесстрастно.

— А если бы от этого зависела судьба переворота, — спросил Купертино, — согласились бы вы тогда имплантировать мне ложные воспоминания, чтобы...

— Прошу меня извинить, — прервал его Грин. — Вы психотик, это совершенно очевидно. Поэто-

му нет никакого смысла попусту тратить ваши деньга, продолжая эту беседу. Крайне удивлен, что вам вообще разрешен доступ к линиям дальней видеосвязи.

— Однако, — настаивал Купертино, — такая имплантация возможна. Современная психиатрическая техника делает ее вполне осуществимой, вы должны это признать.

— Да, мистер Купертино, — вздохнул доктор Грин. — Все это вполне осуществимо уже с середины прошлого века. Первоначальные методики были разработаны в московском институте Павлова еще в сороковые годы, а затем, во время корейской войны, их развили и усовершенствовали. После соответствующей обработки человек поверит чему угодно.

«А раз так, Кэрол, возможно, и права».

Купертино не совсем понимал, что он сейчас чувствует — радость или разочарование. Зато он понимал главное: из этого автоматически следует, что он не убийца. Кэрол жива, и нет оснований сомневаться в истинности впечатлений, связанных с Землей, с земными городами, предметами, людьми. И все же...

— А если я сам прилечу на Ганимед... — Эта мысль пришла ему в голову совершенно неожи-

данно. — Смогу я тогда посмотреть свою историю болезни? Ведь если у меня хватит здоровья для такого путешествия, значит, никакой я не психотик, находящийся под обязательным психиатрическим наблюдением. Возможно, я болен, но только не в такой же, доктор, степени.

Купертино выжидающе смолк; шансы очень малы, но попробовать все же стоило.

— Вообще-то говоря, — задумчиво подергал себя за подбородок доктор Грин, — в правилах нашей компании нет ничего такого, что мешало бы сотруднику — или бывшему сотруднику — ознакомиться со своим личным делом; я мог бы, пожалуй, его и не скрывать. Однако хотелось бы все-таки проконсультироваться сперва с вашим психиатром. Вы не откажетесь сообщить мне его фамилию? Если он согласится, это избавит вас от ненужного путешествия — я передам ваше личное дело на Землю по видеосвязи, его запишут и вручат вам уже сегодня, сегодня по калифорнийскому времени.

Сообщив Грину, что фамилия психиатра Агопян, Купертино прервал связь. И что же скажет теперь этот Агопян? Вопрос очень интересный, а ответ на него далеко не очевиден — кто же знает, что взбредет психиатру в его психиатрическую

голову.

К вечеру все станет ясно, уж это — во всяком случае.

Было какое-то внутреннее чувство, что Агопян согласится, согласится из неверных соображений.

Но это мелочи, ерунда, соображения Агопяна не имеют никакого значения, все дело в истории болезни. Добраться до нее, прочитать ее, узнать, права ли Кэрол.

И только через два часа — это время показалось Купертино неописуемо долгим — он неожиданно осознал простое обстоятельство. Шестипланетным образовательным не составит ни малейшего труда подтасовать историю болезни, убрать из нее опасную информацию. Передать на Землю фальсифицированный ничего не значащий документ. Ну и что же делать потом? Это тоже был хороший вопрос, и на него Купертино — в настоящий момент— тоже не имел никакого ответа.

Личное дело из отдела кадров Шестипланетных образовательных учреждений прибыло тем же вечером — его доставил рассыльный Уэстерн Юнион. Дав рассыльному чаевые, Купертино сел в гостиной и открыл папку.

Потребовалось всего несколько секунд, чтобы

удостовериться: в личном деле не было, как он и предполагал, ни слова об имплантации ложных воспоминаний. Теперь одно из двух — либо документы фальсифицированы, либо Кэрол ошибается. Ошибается — или лжет. Как бы там ни было, этот номер оказался пустым.

Купертино позвонил в Калифорнийский университет; после многочисленных переключений с номера на номер его связали наконец с человеком, который вроде бы понимал, о чем идет разговор.

— Я хочу провести анализ текста, — объяснил Купертино. — Хочу узнать, как давно он написан. В моем распоряжении только копия, полученная по каналам Уэстерн Юнион, так что придется ограничиться анализом лексических анахронизмов. Мне нужно узнать, составлен этот текст три года назад или позднее.

— За последние три года лексика изменилась очень мало. — Университетский филолог чуть помедлил. — Но попробовать можно. Как скоро хотите вы получить результат?

— Чем скорее, тем лучше.

Вызвав рассыльного, Купертино поручил ему доставить папку в университет, а затем начал обдумывать еще одно обстоятельство. «Хорошо,

пусть и Земля и все, что он испытал на ней, — иллюзия; в таком случае среди этих иллюзорных впечатлений наиболее достоверны беседы с доктором Агопяном, тут восприятие ближе всего подходит к грани, отделяющей иллюзию от реальности. Поэтому, если когданибудь и удастся вырваться из иллюзорного мира, скорее всего это будет при одной из встреч с психиатром, именно в эти моменты и нужно прилагать максимум усилий. Ведь не подлежит сомнению, пожалуй, один-единственный факт: доктор Агопян реален».

Купертино подошел к телефону и начал набирать номер Агопяна. Прошли всего сутки после эпизода на шоссе и последующей беседы с психиатром, обычно они не встречались так часто, но за эти сутки ситуация предстала в совершенно ином свете. А стоимость лишнего визита к врачу — ничего, какнибудь бумажник вьщержит; Купертино продолжал набирать номер. И тут его рука замерла.

Арест. Неожиданно вспомнились слова полицейского, тот обвинил Купертино в употреблении ганимедского наркотика, фрогедадрина. И обвинил не без оснований — у него были все симптомы.

Возможно, именно таким образом и поддерживаются эти иллюзии — он регулярно получает малые дозы фрогедадрина; скорее всего, с пищей. Но ведь само такое подозрение — типичная мания преследования, признак паранойи, психоза.

Параноидальная эта мысль или не параноидальная, но звучит она вполне разумно.

В таком случае необходим подробный клинический анализ крови, такой анализ неизбежно выявит наркотик. Нужно только съездить в Окленд[5], в клинику своей фирмы, пожаловаться на возможный токсикоз, и через час все будет готово.

Присутствие в крови фрогедадрина докажет, что подозрения верны, что он все еще на Ганимеде и не улетал ни на какую Землю. А все, что он здесь пережил — якобы пережил, — просто иллюзия, за возможным исключением регулярных, обязательных визитов к психиатру.

Было ясно, что анализ крови нужно сделать скорее, однако Купертино медлил, словно чего-то опасаясь. Чего? Появился путь к точному прояснению ситуации, а он медлил.

А так ли хочет он узнать правду?

---

[5] notes: 5

Окленд — город в нескольких километрах от Беркли; эти города практически сливаются.

Нет, анализ, конечно же, нужно сделать; оставив на время мысль о встрече с Агопяном, Купертино пошел в ванную, побрился, надел свежую рубашку, повязал галстук и вышел из квартиры. Тачка стояла рядом с домом, какие-нибудь пятнадцать минут, и он будет в клинике фирмы.

Фирма. Рука Купертино, взявшаяся за дверцу машины, замерла, он остановился, чувствуя себя очень глупо.

В организованной им системе иллюзий произошла какая-то накладка. Он не знал, где работает. Из вымышленного мира выпал большой и существенный сегмент.

Купертино вернулся домой и набрал номер доктора Агопяна.

— Добрый вечер, Джон, — довольно кисло поприветствовал его Агопян. — Уже дома? Как вижу, вы не задержались в Лос-Анджелесе.

— Доктор, — голос Купертино срывался, — я не знаю, где я работаю. Тут что-то не так, ведь раньше я знал — да я еще вчера это знал. Ведь я хожу на работу четыре дня в неделю, как и все остальные, верно?

— Конечно, — невозмутимо согласился психиатр. — Вы работаете в Оклендской фирме Триплан Индастриз, на Сан-Пабло авеню, рядом с двадцать

первой стрит. Точный адрес можете узнать в своей телефонной книге. Только я советовал бы вам сперва лечь и отдохнуть, вы не спали всю прошлую ночь, и теперь это начинает сказываться.

— Ну а если, — продолжал Купертино, — начнут пропадать все большие и большие части иллюзорного мира? Ведь я попаду в крайне неприятное положение.

Исчезновение одного лишь элемента — даже этого достаточно, чтобы прийти в ужас. Словно пропала, бесследно растворилась часть собственного твоего организма. Он забыл, где работает, и в одно мгновение непроницаемая стена отделила его от всех остальных людей. А что еще могло исчезнуть из памяти? Возможно, Агопян прав и дело тут просто в усталости. Ведь он, говоря по-честному, совсем не в том возрасте, чтобы проводить ночи без сна, совсем не в такой форме, как десять лет назад, когда подобные вещи не представляли большого труда ни для него, ни для Кэрол.

Он осознал, что цепляется за свой иллюзорный мир, не хочет увидеть, как этот мир расползается в клочья, словно ветхая тряпка. Человек — это его мир, без окружающего мира он ничто.

— Доктор, — спросил Купертино, — а можно

увидеть вас сегодня же вечером?

— Но вы и так меня видите, — вразумляюще ответил Агопян. — Я не нахожу никаких причин для столь частых встреч, подождите до конца недели, а тем временем...

— Мне кажется, я понимаю, каким образом поддерживается существование моих иллюзий, — сказал Купертино. — Каждый день я получаю дозу фрогедадрина, перорально, с пищей. Можно даже предположить, почему разрушилась часть иллюзорного мира — поехав в Лос-Анджелес, я пропустил одну дозу. Или, как вы говорите, виновата усталость — и тот и другой вариант доказывают мою правоту: мой мир иллюзорен. Чтобы понять это, не нужны ни анализ крови, ни филологи из Калифорнийского университета. Кэрол мертва, и вы это знаете. Мы на Ганимеде, вы — мой психиатр, я нахожусь в заключении, нахожусь четвертый уже год. Так ведь? Агопян не отвечал, его лицо оставалось бесстрастным.

— И я никогда не был ни в каком Лос-Анджелесе, — прервал затянувшееся молчание Купертино. — Скорее всего, место заключения, весьма невелико по размерам, и вся моя свобода передвижения чистая иллюзия. И с Кэрол я сегодня не встречался, верно?

— А как вы себе это представляете — «анализ крови»? — медленно проговорил Агопян. — Как вам такое и в голову пришло? — По его лицу скользнула улыбка. — Поймите, Джон, если ваш мир иллюзорен, анализ крови тоже будет иллюзорен. Так какой же вам от него толк?

Об этом Купертино не задумывался; он ошеломленно молчал, не в силах ничего ответить.

— И это личное дело, которое вы попросили у доктора Грина, — продолжал Агопян, — которое вы получили, а затем передали в Калифорнийский университет на анализ. Ведь тогда и оно — иллюзия. Так что, каким образом результаты всех этих исследований могут...

— А вот этого вы, доктор, не должны были знать, — сказал Купертино. — Вы вполне могли быть осведомлены, что я звонил доктору Грину, попросил у него документы и получил их, — Грин собирался с вами поговорить. Но мой звонок в университет и просьба провести анализ документов — откуда бы вам об этом знать? Извините, доктор, но присутствие в структуре такого логического противоречия надежно доказывает ее ирреальность. Слишком уж много вы обо мне знаете. Пожалуй, я придумал, каким способом можно проверить справедливость моих рассуж-

дений, проверить с абсолютной точностью.

— И какой же это способ?

Голос Агопяна звучал холодно и отстраненно.

— Вернуться в Лос-Анджелес. И убить Кэрол еще один раз.

— Господи боже, да как вам...

— Женщина, которая мертва уже три года, — усмехнулся Купертино, — не может умереть снова. Скорее всего, окажется, что убить ее невозможно. — Он потянулся к видеофону.

— Подождите, не выключайте, — торопливо остановил его Агопян. — Послушайте, Купертино, теперь я должен связаться с полицией, вы меня просто вынуждаете. Не могу же я сидеть сложа руки и ждать, когда вы поедете и убьете женщину во... — Он оборвал фразу. — Я хотел сказать — совершите второе покушение на ее жизнь. Хорошо, Купертино, я готов признать несколько обстоятельств, скрывавшихся прежде от вас. В некотором смысле вы правы, мы действительно на Ганимеде, а не на Земле.

— Понятно.

Купертино опустил протянутую к аппарату руку.

— Но Кэрол вполне реальна.

Лицо, смотревшее на Купертино с экрана, по-

крылось каплями пота, Агопян начал заикаться, он явно боялся, что разговор оборвется.

— Она столь же реальна, как вы или я. Вы попытались убить ее, ничего из этого не вышло, и тогда она сообщила гомеогазетам о намеченном восстании — именно поэтому успех восстания оказался лишь частичным. Ганимед, на котором мы находимся, окружен кордоном земных военных кораблей, мы отрезаны от всей остальной Солнечной системы, питаемся по карточкам, подвергаемся непрерывным атакам, но все еще держимся.

— А зачем нужен мой вымышленный мир? — Откуда-то снизу начал подыматься холодный, смертельный ужас; не в силах с ним совладать, Купертино ощущал, как ужас этот заполняет грудь, проникает в сердце. — Кто погрузил меня в эти иллюзии?

— Какие там погружения, у вас аутогенный синдром ухода от реальности, вызванный чувством вины. Ведь это ваша, Купертино, вина, что планы восстания стали известны земным властям, рассказывать о них Кэрол было странной ошибкой — и вы сами этс потом осознали. Попытка самоубийства оказалась неудачной, и тогда вы ушли в свой фантастический, иллюзорный мир...

— Но если Кэрол сообщила все земным властям, она никак не может находиться сейчас на свободе и...

— Совершенно верно, ваша жена сидит в тюрьме, именно там мы ее и навещали — здесь, на Ганимеде, в Нью-Детройте-Джи. Честно говоря, я не знаю, каким образом воздействует все рассказанное мною на ваш иллюзорный мир; возможно, поможет дальнейшему его распаду. Не исключено даже, что вы вернетесь к действительности, ясно увидите тяжелую ситуацию, в которой находимся мы, ганимедцы, вынужденные противостоять всей военной машине Земли. Ведь я завидовал вам, Купертино, завидовал все эти три года; вам не приходилось встречать лицом к лицу наши трудности, безжалостную правду жизни. Ну, а теперь... — Он пожал плечами. — Теперь — посмотрим.

— Спасибо, что рассказали, — выдавил из себя Купертино после долгого молчания.

— А благодарить меня не за что, я сделал это вынужденно, чтобы вы не перевозбудились и не перешли к насилию. Вы — мой пациент, и я должен заботиться о вашем благополучии. Вас никто никогда не наказывал за случившееся, об этом даже не думали — уже само расстройство вашей

психики, это полное бегство от действительности, показывало, как глубоко вы раскаиваетесь в своей глупости и в ее ужасных последствиях. — Пепельно-серое лицо Агопяна выражало крайнюю усталость. — А главное — оставьте вы Кэрол в покое, нет у вас права на отмщение, а не верите мне — почитайте Библию. К тому же она уже понесла свое наказание и будет нести его, пока останется в наших руках.

Купертино прервал связь.

«Ну и как, поверил я ему?» — спросил он себя.

Уверенности не было. «Кэрол, — думал он. — Так это ты обрекла наше дело на поражение. Погубила восстание из-за мелочной злобы, домашних дрязг. Обычная женская уязвленность, обида на мужа — и этого оказалось достаточно, чтобы обречь наш спутник на страшную, почти безнадежную войну».

Пройдя в спальню, он достал из комода лазерный излучатель; все эти три года, проведенные Купертино на Земле, оружие хранилось в коробке с «Клинексом». «А вот теперь, — сказал он себе, — самое время им воспользоваться».

Подойдя к видеофону, Купертино вызвал такси; сегодня он полетит ракетным экспрессом, тачка останется дома.

Кэрол в Лос-Анджелесе, нужно добраться туда быстро, как можно быстрее.

«Один раз ты сумела ускользнуть, — думал он, торопливо направляясь к двери, — но теперь все будет иначе. Дважды этот номер не пройдет».

Десять минут спустя ракетный экспресс несся уже в Лос-Анджелес. К Кэрол.

Купертино вторично просмотрел «Лос-Анджелес Тайме», просмотрел от первой до последней страницы. И вторично ничего не нашел.

«Почему нет заметки?» — спросил он себя. Убийство, застрелена молодая привлекательная женщина... Он явился в фирму, где работала Кэрол, нашел ее сидящей за столом, застрелил прямо у всех на глазах, затем повернулся и беспрепятственно ушел — окаменевшие от ужаса и неожиданности люди даже не сдвинулись с места.

А в печати — ничего. Столь примечательное событие, а гомеогазета как воды в рот набрала.

— Напрасно ищете, — сказал из-за своего стола доктор Агопян.

— Но ведь должно быть, обязательно должно, — упрямо возразил Купертино. — Такое серьезное преступление, и... как же это так? В полном недоумении он отодвинул газету. Происходящее

не имело смысла, нарушало элементарнейшую логику.

— Во-первых, — устало сказал Агопян, — никакого лазерного излучателя не было, это только иллюзия. Во-вторых, мы не позволили вам навестить вашу бывшую жену, ведь вы совершенно ясно заявили, что планируете насилие. Вы ее не видели, вы ее не убивали, а лежащая перед вами газета — совсем не «Лос-Анджелес Тайме», а «Нью-Детройт-Джи Стар», выходящая всего на четырех страницах, — у нас, на Ганимеде, не хватает сырья для производства бумаги.

Купертино смотрел на психиатра и молчал.

— Да, — кивнул доктор Агопян, — именно так. Это повторилось, Джон. Теперь вы обладаете ложными воспоминаниями о том, как убили ее дважды. И каждый из этих эпизодов столь же иллюзорен, как и любой другой. Мне вас очень жаль — по всей видимости, вы обречены раз за разом повторять такие попытки — и раз за разом терпеть неудачу.

— Наши лидеры ненавидят Кэрол Холт Купертино, ее поступок причинил нам непоправимый ущерб, однако... — Он развел руками. — Мы обязаны ее защищать, этого требует справедливость. Приговор, вынесенный судом, исполняется; она

просидит в тюрьме еще двадцать два года или — до того времени, когда Земля победит нас и выпустит ее на свободу. В последнем случае она сразу станет героиней, это само собой разумеется, о ней будет кричать каждая контролируемая землянами гомеогазета Солнечной системы. Купертино молчал.

— И вы позволите им получить Кэрол живой? — спросил он в конце концов.

— А вы считаете, нам бы следовало ее убить?— нахмурился доктор Агопян. — Мы не варвары, Джон, и никакая жажда мести не толкнет нас на преступление. Кэрол уже перенесла три года тюремного заключения, она страдает, и ее наказание вполне достаточно. То же самое касается и вас, — добавил он. — Иногда я даже задумываюсь, кто из вас страдает больше.

— Я знаю, что убил ее, — сделал последнюю попытку Купертино. — Ее фирма, ассоциация «Падающая звезда», которой принадлежат Шестипланетные образовательные учреждения, расположена в Сан-Фернандо[6], я доехал туда на такси. Работает Кэрол на десятом этаже.

Он помнил, как поднимался на лифте, помнил

---

[6] notes: 6

Упоминаемый здесь Сан-Фернандо — городок неподалеку от Лос-Анджелеса, в полусотне километров от Пасадены.

даже юбку своей попутчицы, женщины средних лет. Помнил худенькую рыжую секретаршу, которая звонила Кэрол по внутреннему телефону, помнил, как проходил через помещение, где сидели занятые чемто люди и как неожиданно оказался с Кэрол лицом к лицу. Она поднялась и какую-то секунду стояла неподвижно, не сводя глаз с лазера. А затем ее лицо изменилось, она все поняла и попыталась убежать, спрятаться... Но он все же убил Кэрол, убил у самого выхода, когда рука ее уже вцепилась в дверную ручку.

— Могу вас заверить, — сказал доктор Агопян, — что Кэрол самым несомненным образом жива. — Повернувшись к стоящему на столе видеофону, он набрал номер. — Сейчас я позвоню, вызову ее, если хотите — можете сами с ней поговорить.

Тупое оцепенение — это все, что чувствовал сейчас Купертино, он смотрел на аппарат и ждал. Наконец на экране появилось лицо. Лицо Кэрол.

— Привет, — сказала она, узнав своего бывшего мужа.

— Привет, — чуть запнувшись, ответил Купертино.

— Как себя чувствуешь? — спросила Кэрол.

— Отлично, — неуверенно ответил он. — А ты?

— Прекрасно, — сказала Кэрол. — Сонная толь-

ко немного, слишком уж рано я сегодня встала. По твоей милости.

Купертино выключил аппарат.

— Хорошо, — повернулся он к доктору Агопяну.— Вы меня убедили.

Сомневаться не приходилось, его жена жива и невредима — более того, Кэрол, по всей видимости, даже не подозревала об очередном покушении. Агопян не врет: Купертино вообще не приезжал к ней на работу.

Работа? Фирма, рабочее место? Скорее уж — тюремная камера.

Это — если верить Агопяну, а верить приходится.

Купертино встал.

— Теперь мне можно идти? Очень хочется поскорее попасть в свою квартиру, устал я, как собака, нужно хоть немного поспать. — Удивительно, как вас вообще ноги держат, — сказал Агопян. — Это ведь почти пятьдесят часов без сна. Непременно поезжайте домой и ложитесь, поговорить можно и потом. — Он ободряюще улыбнулся.

Согнувшись под грузом оглушительной усталости, Купертино вышел из кабинета врача; он засунул руки в карманы; немного постоял на тро-

туаре, дрожа от ночного холода, кое-как забрался в свою машину и сказал:

— Домой.

Тачка плавно снялась с места и влилась в поток уличного движения.

«А ведь можно попробовать еще раз, — пришла в голову неожиданная мысль. — А почему бы, собственно, и нет, вдруг получится? Дважды срываюсь — ну и что? Отсюда еще не следует, будто все попытки заранее обречены на неудачу».

— В Лос-Анджелес, — сказал он тачке.

Негромкое пощелкивание, это управляющий тачкой автомат переключился на девяносто девятое шоссе, самый прямой путь к месту назначения.

«А ведь когда я приду, она будет спать, — сообразил Купертино. — Проснется, плохо что-нибудь соображая, вот и впустит меня спросонья. Ну а тогдаВозможно, теперь и восстание удастся».

У Купертино было смутное ощущение, что в такой логике есть некий пробел, слабое место, непонятно только, где именно. Усталая голова отказывалась что-нибудь соображать.

Откинувшись на спинку, он устроился поудобней, доверил управление автомату и закрыл глаза. Дорога неблизкая, а самое необходимое

сейчас — это сон. Через несколько часов он будет в Южной Пасадене, около особняка Кэрол. Убьет ее, а затем, возможно, поспит по-настоящему, это будет вполне заслуженный отдых,

«К завтрашнему утру, если все пойдет как следует, она будет мертва». Мысли ворочались в голове медленно, сонно. А потом он снова подумал о гомеогазете и снова удивился, почему на ее страницах не было заметки о преступлении. «Странно это, — думал он. — Почему?»

Со скоростью сто шестьдесят миль в час — ведь Купертино снял ограничитель — тачка мчалась — как он считал — к Лос-Анджелесу и спящей там Кэрол.